

*Зарождение современной
неолиберальной благотворительности,
или любезное лицо любезной перверсивности*

Ирина Жеребкина

Все началось с благородной благотворительности – для Л.К. Чуковской: ей хотелось помочь выплатить невыплаченные *Новым миром* деньги Б.Л. Пастернаку – аванс за прозу (10 000 рублей).

Все началось с по видимости антропологического и одновременно коварного желания – для Сталина: после возвращения советских войск из разрушенной, но вполне цивилизованной Европы «накормить» это *быдло* «прелестями» уже не насильственно-аскетически-военной, но послевоенной, то есть «мирной» жизни. «Прелести» – среди прочих – состояли в выпуске специального номера *Нового мира* с «человеческим лицом» – под руководством 31-летнего красивого (хотя, по выражению Л.К. Чуковской, и с «каким-то плоским» лицом), назначенного в качестве нового главного редактора нового послевоенного журнала К. Симонова (с 1946 года), главного поэта-лирика СССР, призванного обеспечить специальный так называемый лирический выпуск журнала (буквально – чтобы вместо общественно-коммунальных военных патриотических стихов была наконец-то напечатана и невоенная лирика). Хотя одновременно для «народа-победителя» неожиданные, а поэтому еще более жестокие – вместо предполагаемого благодеяния – репрессии также планировались, естественно.

Все началось с общеизвестной любви Л.К. Чуковской к стихам – ей действительно (кроме материальной помощи – чуть-чуть, слегка, отнюдь не фатально: ему-то вообще обещали выплатить – обманутому в денежном смысле Пастернаку) очень хотелось помочь напечатать в этом официальном журнале наконец-то более-менее пристойные стихи (что нормальные стихи все равно не допустят, она трезво понимала, конечно же. Ну хоть, возможно, один, два...).

Все началось с искреннего желания К. Симонова стать благотворителем – буквально: не просто главным поэтом-лириком страны, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, заместителем генерального секретаря Союза писателей СССР, новым главой *Нового мира*, мужем кинозвезды Валентины Серовой, да и просто молодым, успешным, богатым, здоровым и краси-

вым мужчиной, но именно «благо-творителем», то есть творителем всяческих благ, помогающим всем-всем-всем – сирым и убогим, опекающим не только известных и знатных, но и опальных, но и даже сумасшедших и неизвестных, и покалеченных фронтом или заключением, то есть всех-всех-всех. Но опекающим *интимно*, что и позволяет – как социальный институт, в бывшем СССР демократически легитимированный уже после его распада, а на либеральном западе гораздо раньше – сделать благотворительность и как 1) дискурс, и как 2) особую форму коммуникативной практики.

Конечно, он хотел – наряду с уже имеющимися карьерными должностями – стать новым главным редактором *Нового мира*: только так и можно выжить в этом чудовищном («народном», «крестьянском» и т.п.) мире, как ему с детства внушила мать (предположительно из князей Оболенских, чем он страшно гордился и не менее страшно скрывал). Обманывать это «быдло» и делать карьеру – по их, конечно, трупам, как подавала недвусмысленные знаки мать. Но так, чтобы они, не дай Бог, не догадались: убьют! Поэтому он с молодости научился быть прежде всего подчеркнута скромным, подчеркнута доброжелательным и благожелательным, и подчеркнута бездарным/«безопасным». Бездарным (только так стратегически и можно было выжить в этих условиях, и он был хорошо информирован про это оружие) и рабоче-крестьянским: и работать К. Симонов начал с завода – токарем или слесарем. И неизбежно преуспевал не просто в карьерном росте, что было понятно и запрограммировано и что делали и все другие, ему подобные, но совсем в другом: научившись – даже незаметно для себя и даже против установок осторожной и дисциплинированной матери – получать сладчайшее перверсивное удовольствие от лжи (когда его ложь всесоюзной, продемонстрированной и Хозяину любви к ней разоблачила Серова, он возненавидел ее и сделал все, чтобы уничтожить, хотя и прислав на похороны 58 красных гвоздик, позже всплакнув перед смертью перед дочерью: «Никто не принес мне столько горя в моей жизни, как твоя мать. И столько счастья...»). Но письма к Серовой успел украсть и уничтожить, даже будучи неизлечимо больным, хотя и держась при этом как всегда мужественно и благородно: даже брошенная дочь поняла и простила ему эту кражу и уничтожение писем – из-за вызывающей сочувствие беспредельной жалости к так мужественно умирающему человеку).

Однако К. Симонов и сам, конечно, в полной карьерного расчета и сознательной ставки на бездарность, безопасность и подчеркнутую доброжелательность жизни не ожидал, что на самом деле все началось не с этого, то есть не просто только с того, чему учила мать – рабского карьеризма, когда, как известно, цель оправдывает (любые) средства. Все началось с неожиданной, необъятной, искренней *жажды*¹ (добавим это еще одно психоаналитическое понятие к психоаналитическим же «требованию», «желанию», «влечению» и др.) быть *искренним благотворителем*. «Искренним» потому, что в то голодное

время – 46 год – деньги/гонорары за литературный дискурс (проза, переводы, стихи и пр.) буквально значили, как и хлеб, только одно: жизнь. И надежный, проверенный, «безопасный» и бесконечно любезный чиновник и лирик Симонов, став волею судеб этим самым благотворителем, неожиданно и нерасчетливо жадно возжаждал получать в ответ столь же искреннюю *почтительную благодарность* от подлежащих действию благодеяния – за благотворительное спасение их жизней от голодной смерти! То, что солдаты на фронте погибали со стихами *Жди меня* в карманчиках военных гимнастеров, он знал очень хорошо. То, что это – «всемирная любовь», он тоже знал очень хорошо. То, что к нему благоволил Хозяин, он тоже, конечно же, знал очень хорошо. Но ему – случайно, в терминах Э. Лаклау² – хотелось в тот момент его жизни другого типа любви. Интимной, адресной, тет-а-тет. И не только с женщинами. (Про ту женщину, что ему пришлось какое-то время безответно любить, он благородно, присев именно на считающийся в русской народной традиции для женатых копул роковым угол стола в редакции, без надрыва, вызвав – ах, конечно же! весь СССР был посвящен в нюансы и подробности этой всесоюзной любви! – сочувствие и понимание у всех без исключения редакционных женщин и мужчин (там присутствовал и А. Кривицкий), подчернуто без надрыва, по-мужски скупно сказал: «Семь лет без взаимности»³. Как же все тогда его поняли! Как же сопереживали в том тоне, который задал он – благородно и мужественно, с бесконечным сочувствием!) Но интимной и адресной, тет-а-тет любви ему хотелось, как уже было сказано, не только с «интересными» мужчинами или женщинами («интересными» хотя бы снобизмом и угрюмостью/бездарностью к стихам – как у Эренбурга; или «забитостью» после восьми лет лагерей – как у Заболоцкого; или способностью к скандалам – как у Алигер и т.п.). Его интересовали и сумасшедшие – и тоже независимо от пола. Например, сумасшедший алкоголик-мужчина Семьнин, которого старалась поддержать и Л.К. Чуковская. Или проводшая некоторое время в психиатрической больнице женщина – Некрасова. Его особенно интересовали – и тоже независимо от пола – инвалиды и калеки (покалеченный на войне С. Гудзенко, на жене которого он потом и женился), Лейтин, по словам Чуковской, «больной, забитый»⁴ и многие другие, короче – все-все-все. То есть его интересовала перверсивная трансгендерная сексуальность, оформленная в следующую четкую форму – (интимная) благотворительность-(интимная) почтительная благодарность. На фоне и при условии всех имеющихся карьерных привилегий.

Интригой же этой истории является то, что – задолго до современных трансгендерных исследований – Б.Л. Пастернак (с денежных проблем которого и началась эта история) его интересовал также именно в этом качестве!!!

И вот здесь ему понадобилась Л.К. Чуковская. И роковая роль в этих трансгендерных благотворительных отношениях принадлежала тому, с чего я также начала свой текст – деньгам. Потому что К. Симонов, как известный бедный

жижековский миллионер⁵, не верил в искреннюю и абсолютно опережающее-прогрессивную по тем временам трансгендерную интимную тет-а-тет любовь без денег!

Итак, формально К. Симонов, не выплатив денег за прозу Б.Л. Пастернаку (обещая выплатить их через зам. главного редактора и секретаря отдела прозы А. Кривицкого, бывшего начальника/члена секретариата по *Красной звезде*, имея в лице этого честного и простого фронтового советского офицера как собственного заместителя особую функциональную фигуру с особыми функциональными способностями: и 1) способностью приказывать, унижать и даже уничтожать известных, более старших и зачастую даже более вальяжных (типа И. Эренбурга), сохранивших дореволюционные навыки писательской политики писателей *чужими руками*, и 2) способностью к легитимному подтверждению закрепившегося за военным корреспондентом Симоновым общественно-резонансного образа приверженца мужской фронтовой дружбы, когда друг «не сдает» друга, взяв его после войны, например, из начальников в подчиненные и т.д. и т.п.), хотел, тем не менее, получить от него заказанные (как всегда дальновидным Сталиным) стихи – среди прочих – для этого нового, послевоенного, так называемого «лирического» сборника *Нового мира*, призванного маркировать рождение нового советского – наконец-то послевоенного – мира. Пастернак на тот момент на просьбу о стихах – по телефону – отказался: просто, естественно-рационально и наивно-непосредственно, как он очень хорошо умел делать всю свою жизнь, витиевато, но в общем-то и для Симонова, и для Кривицкого понятно объяснив, что «сначала – деньги, потом – стулья».

При этом при всей своей всю жизнь умело демонстрируемой наивности Пастернак хорошо понимал, что

- 1) его стихи не войдут в число «лучших лирических» (ведь это Симонов – «лучший лирик СССР»);
- 2) есть его персональный – как, впрочем, у *любого*⁶ в то время – читатель Сталин;
- 3) а если его стихи таковыми и соблаговолит вдруг признать, то... (но об этом – позже).

Симонов в свою очередь понимал все то, что понимал и Пастернак. Но жажда благотворительности! Но трансгендерные интимные отношения тет-а-тет с гением/Пастернаком!.. То есть жажда! Жажда нового, неизведанного, вкусы новой (трансгендерной) любви и всего, что с ней связано! О, сколько новых возможностей!.. И тут понадобился человек, который не совсем понимал то, что понимали Симонов и Пастернак.

Поэтому в ноябре 1946 года Симонов предложил поступить на постоянную

работу с постоянной зарплатой в качестве редактора отдела поэзии Л.К. Чуковскую, объяснив ей, что основная цель такого приглашения – отыскать и напечатать хорошие лирические стихи: «Я хочу сделать подборку: “в защиту лирики”. В конце концов двадцать поэтов вряд ли обругают, а если обругают, то редактора – что ж, пусть...»⁷. То есть он мужественно, с риском для жизни, не боится быть «обруганным» высшим благотворителем советского народа – Хозяином: лишь бы были по справедливости и из-за благотворительной миссии напечатаны стихи под благородным лозунгом «в защиту лирики».

Для Л.К. Чуковской, как было сказано выше, также отнюдь не чужда была идея благотворительности, но в другом, чем для Симонова (и Пастернака, между прочим) смысле: во-первых, ей элементарно, как уже было сказано, хотелось помочь выплатить невыплаченные *Новым миром* деньги Пастернаку; во-вторых, она практически была безработной и получение зарплаты за работу означало бы благотворительность по отношению к жизни собственной дочки, внучки Корнея Ивановича, у которого можно было, конечно, пользоваться столом и машиной, но... Корней Иванович – человек тоже непростой, лишней зависимости не хотелось; в-третьих, вышеназванная беззаветная общеизвестная любовь Л.К. Чуковской к стихам – ей действительно (кроме материальной помощи «как бы»/«чуть-чуть» обманутому Пастернаку: не «как бы» и не «чуть-чуть» принципиально порядочный Симонов бы не допустил) очень хотелось помочь напечатать в этом официозном журнале наконец-то более-менее пристойные стихи. Поскольку и сама она потихоньку всю жизнь писала стихи и крайне строго их оценивала, она знала этот тяжкий труд хорошего стихотворца. Она не была гением, что трезво знала о себе, поэтому каждая ее поэтическая строчка оставляла рубцы на собственном (женском) теле.

Л.К. Чуковская не была, конечно же, столь наивна, как полагали и Симонов, и Пастернак. Симонов смущал ее элементарно подразумеваемой советской нечистоплотностью во всех смыслах этого слова (несмотря на заявленное перед всеми членами редакции и страждущими поэтами пафосное про нее и ее роль в поиске этих стихов «в защиту лирики»: «То, что она думает, то и я думаю»)⁸; Пастернак – столь выгодной вуалью гениального поэтического непонимания и эгоизма, опускаемой им всегда мгновенно и, главное, всегда вовремя. В какие жернова каких выборов она добровольно собирается «двинуть», она предположительно знала. А вот насколько «знала» – будет понятно позже.

Итак, Л.К. Чуковская – после мучительных колебаний по причинам, описанным выше, и долгих советов с подругой Тусей (Тамара Григорьевна Габбе) – в ноябре 1946 года приступает к работе.

И тут, как ни странно, обнаруживается нечто совершенно неожиданное! Что – в отличие от гуманного, благотворительного и благородного Симонова – интересуют ее не все те виды благотворительности, которые были описаны выше (формула неолиберальной благотворительности Деньги/Хлеб Взамен

На Интимную Почтительную Благодарность), но только стихи и еще раз стихи – вплоть до антиблагодарительной жестокости! Когда гуманный Симонов говорит ей о том, что ему непременно надо напечатать стихи поэта Васильева⁹, она наивно-жестоко спрашивает: «Почему?». Симонов подчеркнуто благородно и смиренно-пафосно отвечает: Потому что «он мой личный враг»¹⁰. Однако по-прежнему наивно-жестоко Чуковская не понимает, а при чем тут это? У него плохие стихи, и она против того, чтобы их печатать¹¹.

Чуковская очень сочувствует голодной и прошедшей психиатрическое отделение Ксении Некрасовой, но соглашается печатать только те стихи, которые ей кажутся хорошими. Как пишет сама Чуковская по поводу другого поэта, «Недогонов. С умными, прекрасными глазами, кожа да кости. Мороз в 24 градуса – на нем летнее пальто и тапочки. Этого невозможно терпеть. У него двое детей. Говорят, он пьянствует»¹², но – тем не менее – ее приговор неутешителен: «...как странно, что в стихах еще много вялых строк. Я думала, он зреее. И конечно, очень не прям» (хотя тут же по-человечески ей «удалось его накормить, сунуть 100 р.»)¹³.

Можно ли ретроактивно назвать эту жестокую политику Л.К. Чуковской капиталистическим, например, фордизмом (бескомпромиссно направленным против вялотекущего эгалитарного воображаемого СССР и уже предчувствуемого Симоновым не только «оттепельного», но и демократического постсоветского неолиберализма новой свободной постгорбачевской возрожденной России – «...брать и дрянь – только бы взять у всех, никого не обидя»¹⁴)? Или предчувствованным Л.К. Чуковской безжалостным капиталистическим тэтчеризмом (тоже направленным против неолиберальной демократии и соответствующей ей неолиберальной благотворительности)? Но ведь не марксизмом же являются осуществляемые ею зимой 1946-1947 годов в поэзии жестокие и бескомпромиссные политические стратегии – у нее, известной поклонницы Анны Андреевны Ахматовой? С этими сложными и комплексными политическими стратегиями, проводимыми Л.К. Чуковской зимой 1946-1947 годов в *Новом мире*, разберемся несколько позже в терминах современных политических теорий.

Пока же налицо ее (Чуковской) жестокость и его (Симонова) гуманность.

Да, и еще А. Кривицкий *между* – ними и модусами их политического поведения.

Кривицкий вхож в кабинет Симонова в любое время как зам. главного (поскольку Симонов часто отсутствует – за полгода работы Л.К. Чуковской в *Новом мире* один раз был санаторий в Кисловодске (месяц), одна поездка (больше месяца) в Англию, всем известное благотворительное депутатство, всем известная откровенно провозглашенная в качестве нечастной всем без исключения подчиненным личная жизнь с Серовой и т.д. и т.п.), в то время как принимать Чуковскую больше, чем на 5 минут, он не может: он же еще пишет сам – и поэзию, и прозу, и очерки; он же творческий человек, в конце концов,

что было истиной правдой! Поэтому, в отличие от А. Кривицкого, Л.К. Чуковская, вынужденная общаться с Симоновым в основном через секретаря, пишет главному редактору письма про каждый из поступивших в редакцию стихов («Утром писала письмо, пока было еще тихо. Двенадцать страниц»)¹⁵. И, надо отдать ему должное, он их все читает и внимательно разбирает – в самолетах, в санаториях, в поездах. И Кривицкий в его политических стратегиях *между* (этими двумя) очень честен – честнее, чем сам Симонов. Это ему принадлежит вдохновенное увековечение в статьях «Завещание двадцати восьми павших героев» (от 28.11.41) и «О двадцати восьми павших героях» (от 22.01.42) 28 советских героев, названных потом «панфиловцами», остановивших 50 немецких танков под вдохновляющим лозунгом политука: «...отступать некуда, позади Москва»¹⁶. По свидетельству Чуковской, «Кривицкий, как всегда, не понял слова «бесплодно» и стал объяснять, что нужно быть смелым и прямым»¹⁷. И еще он честно, смело и прямо, по свидетельству Чуковской называет вслух, что «Пастернак гений»¹⁸. И хотя к этому определению он добавляет, по свидетельству Чуковской, свое знаменитое бюрократическое «но...», однако гуманный и заботливый, бесконечно сочувствующий поэтам и писателям, то есть всем-всем-всем благо-творящий Симонов никогда не назвал Пастернака – или любого другого русского или советского поэта или писателя – этим словом: «гений»...

Хотя проявляет невероятную заботу в ответ на одно из внимательнейшим образом, как и обычно, прочитанных им («О письме он сказал: “получил и прочел с большим удовольствием”») писем Чуковской, подчеркнуто и любезно и здесь проявив нелиберальный демократизм: «он согласился, что не надо никакой “подборки молодых”, что это неважно – молодые или старые – а просто в двух номерах будут лирические стихи: во втором – тех поэтов, которые начали в 30-х годах, в третьем – тех, которые начали в 40-х... Нет, прав Леля – в этом товарище нечего есть»¹⁹.

И вот здесь мы дошли до тех остросюжетных предельно интимных трансгендерных отношений благотворителя с предположительным благодетельствованным, то есть обязанным – под угрозой голода: от всего сердца, от всей души, искренне и любовно, тет-а-тет – принять благотворительное действие. То есть принять и дискурс, и любовь. И, наконец, также полюбить взаимно, интимно, тет-а-тет, без всякой абстрактной «народной любви», всего лишь одного конкретного человека – страдающего, талантливого, творческого, много пишущего, вынужденного постоянно лгать, а потому бесконечно жертвенного, несчастного кроме прочего и в личной жизни, испытывающего отчаянную нехватку в любви и т.п. К.М. Симонова.

Однако сначала Симонов, чтобы не уронить все-таки чувство собственного достоинства жаждущего любви влюбленного, просит позвонить ту, кого специально взял для этой цели на работу – Лидию Корнеевну, которая не только

стихи любит, но к которой достаточно хорошо, как к человеку своего круга, относится Пастернак, обещав, что деньги Пастернаку выдаст в *январе* 1947 года. Но стихи – сначала. Чуковская, мучаясь, звонит Пастернаку про деньги, обещая их от имени редакции в январе. Пастернак – как всегда – благодарит «со свойственными ему преувеличениями», но стихов не дает. Симонов как бы гневен по поводу сообщенной (по субординационной обязанности редактора *Нового мира*) Л.К. Чуковской информации: «Не знаю, как Борис Леонидович, – но *моей* этике не соответствует просьба о деньгах с угрозой не дать стихов...», – жестко формулирует ей он²⁰. На самом деле он, как мне кажется, именно в данный момент абсолютно счастлив: не уронив ни достоинства главного редактора авторитетного, решающего судьбы облагодетельствованных или нет людей *Нового мира*, ни главного лирика страны, уже с чистой совестью, чистыми руками и заслуженным правом без всякого унижения может наконец-то сам позвонить теперь интимно и без посредников тому, которого не может назвать словом «гений» (хотя, как мы увидим дальше, охотно использует это слово по отношению к именно этому поэту, но в совсем других обстоятельствах), но которого мечтает интимно из-за любви и необходимости в обратной взаимной интимной любви облагодетельствовать – зная, что у Пастернака большая семья и деньги действительно нужны.

Но Пастернак не ведает столь сложной политики именно такого типа любви. И поэтому неожиданно и запросто звонит Симонову сам – и опять с просьбой о деньгах. То есть не интимно. То есть без любви тет-а-тет. Без разговора по душам, а просто про деньги.

И тогда потрясенный и разочарованный (но не до конца! не до конца!) в своей надежде на взаимность и благотворительность по отношению к гению Симонов в гневе ставит *около часа ночи* Л.К. Чуковскую (но не только ее! не только ее!) перед насильственным выбором:

«Я зол. Потом перестану, но сейчас зол. Разговор был скверный. И распоряжение мое вам такое:

15.1 Кривицкий выпишет Пастернаку деньги. 16.1 пригласит его для подписания условия. Об этом вы ничего не должны ни знать, ни говорить Пастернаку. Это дело Кривицкого. От вас же я требую следующего: если Пастернак, вне зависимости от договора и денег, даст вам стихи 15-го – вы сдадите их в набор. Если же нет, если он принесет их 16-го – вы их не примите»²¹.

И, как пишет Чуковская, «*извинившись* (курсив мой. – И.Ж.) за поздний звонок, – бросил трубку».

Однако эта короткая история русской неолиберальной благотворительности, лежащая, на мой взгляд, и в основах современной, отнюдь не стала дальше развиваться по безвыходному в терминах логики или-или сюжету «выбора Софи» (проанализированного когда-то А. Зупанчич, а потом спародированного С. Жижекком в «выборе Кейт»)²². Сюжет оказался совсем другим.

Во-первых, например, когда скованная собственной старомодной привычкой к порядочности Л.К. Чуковская – не смея, как мы помним, информировать не только об условиях предложенного Симоновым насильственного выбора Пастернака, но не смея даже намеком указать на саму эту дамоклову ситуацию выбора, – нуждающаяся в психо-аффективной разрядке, однажды в отчаянии не только по опять же установившейся привычке написала письмо Симонову про «отсутствие демократизма» в редакции и зловещую роль в происходящем Кривицкого, с которым только с одним Симонов решает все редакционные дела, но и высказалась по этому поводу самому Симонову, он среагировал неолиберально-демократически мгновенно:

- 1) 26.04.47: «...Константин Михайлович вместо того, чтобы принимать за закрытой дверью, как министр, – уселся в большой комнате за круглый стол и беседовал со всеми вместе – совсем как в том “дискуссионном клубе”, о котором я ему вчера внушала»²³;
- 2) 27.04.47: «Он сел за мой стол – внимательный, добрый, простой, – будто совсем никуда не торопился, будто нет ни Кривицкого, ни Валентины Серовой, будто здесь он привычный и милый гость. ...Он очень подробно и дружески рассказал нам том, какие романы закуплены им для журнала. (Не бог весть какие.) Потом сообщил, что в журнале каждые две недели будут производиться собеседования. И о планах и текущих делах»²⁴. И т.д. и т.п., и т.д. и т.п...
- 3) Тогда же: «Теперь я хочу сказать вам, Лидия Корнеевна, – сказал он. – Мне, признаться, было очень горько слушать вас. Пригласил вас в журнал я, и отвечаю я – а в вашем рассказе я услышал, что много тяжелого вам приходится переживать. Мне это больно (sic!)»²⁵. И т.д. и т.п., и т.д. и т.п...
- 4) Тогда же: «Он нежно и почтительно поцеловал мне руку и ушел – со свитой»²⁶. И т.д. и т.п., и т.д. и т.п...

Во-вторых, например, после роковых прошедших без находящегося в Англии Симонова 15.1 и 16.1 1947 года («Сказала Кривицкому», «я хотела, чтобы сами помнили») Пастернаку, по свидетельству Чуковской, «денег не выдали»²⁷ (курсив мой. – И.Ж.) и 20.1 «велели позвонить завтра»²⁸.

В-третьих, например, хотя Кривицкий вызвал Пастернака «20-го по поводу денег», Пастернак *уже* раньше – не подозревая о ситуации насильственного выбора, которая нависла не только над ним, но и над Л.К. Чуковской – сказал О. Ивинской, секретарю редакции, что «разрешает дать стихи». Кроме того, Пастернак (16.03.47, по свидетельству Чуковской) «еще меня и утешал».

«Все это пустяки... Важно то, что Вы меня уважаете и я никаким другим не буду...»²⁹. А о Симонове – «Мне нравятся его аппетиты. Остальные хотят только ЗИС, а этот – и Америку, и Японию – ненасытно»³⁰.

В-четвертых, например, 24.01.47, по свидетельству Чуковской, «Кривицкий выписал ему деньги»³¹.

Однако *в-пятых*, например, 25.01.47 Симонов в письме к Чуковской отчаянно пишет: «Александр Юльевич [Кривицкий] мне сказал, что 15-го с Пастернаком все сделано. *Теперь надо просить у него стихов* (курсив автора). Я не могу. Выручайте!»³².

В-шестых, например, когда Симонов появился в редакции 15.04.47, он, по словам Чуковской «сразу сказал»: «Чтобы утешить вас с нашими отношениями с Пастернаком, я хотел вам сказать, что я звонил ему и на днях встречу и подробно буду с ним говорить. Я привез ему привет от его сестры и посылку из Англии»³³.

В-седьмых, например, 26.04.47 Симонов сказал Чуковской: «Вы, Лидия Корнеевна... – единственный человек в редакции, который высказывает мне *свое* мнение; Дроздов и Замошкин заглядывают мне в глаза, желая угадать, что думаю я, – поэтому их мнение мне неинтересно»³⁴.

В-восьмых, например, 17.04.47 Симонов сказал и о стихах «в защиту лирики»: «Мы решили в № 5 стихов не давать вовсе – потому что ничего особенно хорошего я не вижу тут, – а в № 4 дадим Карпенко – он хотя бы свежий...»³⁵. «Ничего особенно хорошего я не вижу тут», – это и был тот неолиберальный ответ (уже совсем, уже совсем) обиженной несправедливо жертвы чужого *хамства* и насилия (которое – при уплаченных деньгах: 10 000 рублей! При предложенной искренней трансгендерной и интимной тет-а-тет любви! И при стольких благородных и благо-творительных усилиях страдающего от несправедливости, но и жертвующего своим драматическим демократическим страданием Симонова – проявил безнравственный и – скажем больше – тоталитарный *хам* Пастернак. (По словам Симонова, именно он, Симонов, ведет «борьбу за человеческое отношение к литературе против хамского»³⁶)).

В-девятых, например, когда я выше писала о Пастернаке, что он знал то же, что и Симонов (но чего не знала Лидия Корнеевна) гораздо раньше, вернее – сразу: что если его стихи и соблаговолит вдруг признать «хорошими», но – непременно «не особенно хорошими», во всяком случае – уж точно «несвежими».

А что же Л.К. Чуковская с ее ранее упомянутой жесткостью к стихам зимой 1946-1947 годов в *Новом мире*, а потому и к людям, их пишущих? Конечно, мы не можем всерьез предположить высказанное ранее – ни про ее жесткую политику «фордизма» (бескомпромиссно направленную против вялотекущего эгалитарного воображаемого СССР), ни про ее безжалостный капиталистический «тэтчеризм», ни про ее предположительный «марксизм». Скорее, осуществляемые ею зимой 1946-1947 годов в поэзии трогательные политические стратегии поклонницы Анны Андреевны Ахматовой также, на мой взгляд, можно назвать стратегиями нелиберальной благотворительности, торжествующими сегодня и в современных политических теориях, и в современных политических практиках.

-
- 1 См. использование этого понятия в: Сартр Жан-Поль. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии* (М.: Республика, 2000), часть 2, раздел 1, гл. 5: «Я и круговорот самости».
 - 2 Но случайность всегда оборачивается необходимостью, как любит шутить постмарксист Лаклау, – см., например, цитату из Norval, Aletta J. *Aversive Democracy: Inheritance and Originality in the Democratic Tradition* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), p. 279.
 - 3 Чуковская Лидия. «Полгода в “Новом мире”», Чуковская Лидия. *Процесс исключения* (М.: Эксмо, 2007), с. 541.
 - 4 Там же, с. 521.
 - 5 См. интерпретацию Жижекком фразы миллионера из фильма Клода Шаброля, когда миллионер говорит: «Мне не нужна женщина, которая полюбила бы меня как человека. В конце концов я бы хотел встретить такую женщину, которая полюбила бы меня за мои миллионы» в Zizek, Slavoj. *Interrogating the Real*, Rex Butler and Scott Stephens, eds (Continuum Press, 2006), p. 262.
 - 6 Термин Ж. Рансьера.
 - 7 Чуковская Лидия. «Полгода в “Новом мире”», Чуковская Лидия. *Процесс исключения*, с. 509.
 - 8 Там же, с. 511.
 - 9 не Павла Васильева. – *Прим. автора.*
 - 10 Чуковская Лидия. «Полгода в “Новом мире”», Чуковская Лидия. *Процесс исключения*, с. 544.

- 11 Симонов несмотря ни на что настоятельно – в свою очередь – продолжает политики неолиберального гуманизма: «...отдавая мне переводы Мочаловой, исполненные по его заказу, сказал: «А те, которые не подойдут, надо будет оплатить в 50 % размере. Она очень бедная женщина...» – см.: там же, с. 553.
- 12 Там же, с. 527.
- 13 Там же, с. 528.
- 14 Там же, с. 524.
- 15 Там же, с. 531.
- 16 См. полемику вокруг достоверности приведенных Кривицким фактов в: Чуковская Лидия. *Процесс исключения*, с. 675, 676.
- 17 Чуковская Лидия. «Полгода в “Новом мире”», с. 547.
- 18 Там же, с. 536.
- 19 Там же, с. 522.
- 20 Там же, с. 519.
- 21 Там же, с. 525.
- 22 См. Zizek, Slavoj. *Parallax View* (MIT Press, 2006), p. 125-142; в русском переводе: Жижек Славой. *Устройство разрыва. Паралаксное видение* (М.: Европа, 2008), глава 5: «Выбор Кейт, или Материализм Генри Джеймса».
- 23 Чуковская Лидия. «Полгода в “Новом мире”», Чуковская Лидия. *Процесс исключения*, с. 569.
- 24 Там же, с. 570.
- 25 Там же, с. 571.
- 26 Там же.
- 27 Там же, с. 531.
- 28 Там же.
- 29 Там же, с. 553.
- 30 Там же, с. 538.

31 Там же, с. 532.

32 Там же, с. 533.

33 Там же, с. 563.

34 Там же, с. 568.

35 Там же, с. 566.

36 Там же, с. 570.